

1937-й: тайный бросок в Синьцзян

Аннотация. На основе архивных документов, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот, авторы раскрывают подготовку к действиям советских войск в высокогорной местности и их помощь китайскому правительству в ликвидации восстания в провинции Синьцзян в 1937 году.

Summary. Using archival documents, most of which are first introduced into scientific circulation, the authors disclose the preparations to employ Soviet troops in the highlands and their assistance to the Chinese government to eliminate the uprising in Xinjiang Province in 1937.

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX–XXI вв.

МИЛЬБАХ Владимир Спартакович – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, полковник запаса, доктор исторических наук, профессор

(г. Санкт-Петербург. E-mail: v.milbach@yandex.ru);

ПАВЛОВИЧ Сергей Леонардович – заместитель начальника факультета Михайловской военной артиллерийской академии, подполковник

(г. Санкт-Петербург. E-mail: pavluscha69@mail.ru).

Провинция Синьцзян издавна была в Китае не только крупнейшей по площади, но и наиболее многонациональной, что стало одной из основных причин её сложных долговременных проблем. После покорения Восточного Туркестана китайцами местные жители не раз восставали против их правления.

До начала 1930-х годов Синьцзян был провинцией, оторванной от Центрального Китая, в которой находили прибежище эмигранты из советских среднеазиатских республик и Казахстана, бежавшие отсюда во время Гражданской войны и коллективизации. Обустроенной государственной границы между Синьцзяном и среднеазиатскими территориями СССР в то время фактически не было.

В 1931 году против правительственных войск выступили уйгурские повстанцы и подразделения 36-й дунганской дивизии. Синьцзянское восстание продолжалось три года. Справиться с ним китайским властям удалось только в 1934 году с помощью формирования, названного «Алтайской добровольческой армией», состоявшей из советских военнослужащих, которая прибыла в Синьцзян из Алтая.

Несмотря на поражение национального движения коренных народов Синьцзяна в 1934 году, китайские власти отчасти под давлением руководства Советского Союза, который в 1930-е годы резко усилил своё влияние в провинции, были вынуждены пойти на серьёзные уступки местному населению и провести реформы, повлиявшие на экономическую и общественно-политическую жизнь там. В Синьцзяне стала развиваться промышленность, представители коренных народов впервые получили возможность работать в административных органах. Преподавание в школах было переведено на уйгурский (относящийся к тюркской языковой группе) – родной язык 87,5 проц. местного населения. На национальных языках местных жителей (уйгурском, киргизском, дунганском, монгольском и др.) издавались книги, более десяти газет и журналов, развивалась культура. Реформы стали частью процесса трансформации отсталой окраины Китая в одну из основных тыловых баз и важнейших артерий снабжения Китая,

боровшегося с японской агрессией.

В информационной сводке Генштаба РККА в июне 1938 года отмечалось, что «Синьцзян почти самостоятельная республика», площадь провинции «очень велика и равна Германии, Италии и Франции вместе взятым. Всего в Синьцзяне около 4 млн чел., 18 национальностей»¹. Самыми многочисленными – 87,5 проц. населения провинции – были исповедовавшие ислам сунитского толка уйгуры, 2,5–3 проц. составляли киргизы, 2 проц. – дунгане, около 3 проц. – монголы, 1,5–2 проц. – доланы (в некоторых архивных документах того времени – долоны), 2,5–3,5 проц. составляли представители других национальностей.

Советское руководство проводило политику, направленную на усиление своего влияния в Синьцзяне и поддержку китайских властей, а захвативший власть в Восточном Туркестане китайский генерал Ш. Шицай провозглашал принцип вечной дружбы с «великим северным соседом».

В начале апреля 1937 года один из руководителей уйгурской общины М. Сиджан (Сичжан) поднял мятеж, поддержанный двумя полками 6-й уйгурской дивизии, уйгурскими крестьянами и ремесленниками. В мае мятеж поддержала отправленная на его подавление 36-я дунганская дивизия².

Во второй половине июня того же года по указанию Наркомата обороны СССР командование Среднеазиатского военного округа (САВО) начало подготовку к боевым действиям на территории Китая двух войсковых групп – Ошской и Нарынской, получивших наименования по населённым пунктам в районах их сосредоточения перед маршем в Китай. Основу каждой составляли два полка (по одному – Красной армии и Наркомата внутренних дел).

В Ошскую группу входили управление, 42-й узбекский горно-кавалерийский полк, 19-й эскадрон связи, 19-й сапёрный эскадрон, батарея 76-мм горных орудий, тыловые подразделения, а также 19-й кавалерийский полк НКВД. Командование группой было возложено на помощника (заместителя) командира 19-й

горно-кавалерийской дивизии полковника И.П. Бикжанова³.

Нарынская группа состояла из управления, 48-го казахского горно-кавалерийского полка, 21-го эскадрона связи, 21-го саперного эскадрона, батареи 76-мм горных орудий, тыловых подразделений, а также 13-го мотомеханизированного полка НКВД⁴. Командовал группой кавалер трёх орденов Красного Знамени командир 19-й узбекской горно-кавалерийской дивизии комбриг И.В. Селиванов⁵.

Кроме того, Нарынской группе был придан 4-й автомобильный батальон.

В Ошской группе 19-й полк НКВД первоначально составлял около 32 проц. личного и 18 проц. конского состава, винтовки военнослужащих НКВД – 31 проц. их общего числа. В Нарынской группе военнослужащие 13-го мотомехполка НКВД составили 41 проц. личного состава, его вооружение и техника – около 63 проц. пулемётов, 50 проц. орудий, 100 проц. бронетехники и 69 проц. радиостанций. В него входили 54 человека командно-начальствующего состава и 532 – младшего начальствующего и рядового состава, на вооружении были 446 винтовок, 57 пулемётов, 3 орудия, 10 танкеток, 2 бронеавтомобиля, 11 радиостанций. В распоряжении полка были по одним архивным документам 64, по другим – 68 автомашин⁶.

При подготовке к операции обеспеченность 13-го мотомехполка НКВД по сведениям врио начальника штаба САВО комбрига А.К. Малышева боеприпасами, продовольствием и горюче-смазочными материалами (ГСМ) составляла: «На бойцах и пулемётах... 1,5 б/к, на орудиях 1 б/к в 330 выстрелов, обеспеченность полка: сутодач – 4 (с 18.6); заправка ГСМ – 1 (18 тонн – 2 автоцистерны)»⁷.

Судя по архивным документам об обеспечении ГСМ и боеприпасами, планировалась поддержка боевых действий групп силами ВВС.

Задачу групп держали в тайне от всех бойцов, большинства командиров и начальников. Директива штаба САВО № 04/271сс от

20 июня 1937 года требовала: «Весь личный состав должен знать, что все переброски производятся для участия в тактических учениях. Кроме того, предупредить личный состав, что в письмах не должны быть указаны действия своих частей и подразделений, а также наименования местных населённых пунктов»⁸.

Чтобы скрыть принадлежность военнослужащих, их переодели в обмундирование «особого заказа» без клейм и штампов, окрашенное в разные цвета. Командиру Нарынской группы войск 3 июля 1937 года поступили указания помощника командующего войсками САВО комдива Мелькумова (инициалы некоторых военнослужащих в архивных документах не указаны) по обозно-вещевому снабжению. В них отмечено: «Для частей группы войск в Ваше распоряжение (согласно прилагаемой ведомости) направляется обмундирование особого заказа. Указанное обмундирование выдано на руки по распоряжению командующего войсками. Не брать с собой снаряжение со звездой и вообще не брать ничего форменного. <...> На кожаных предметах клейма закрасить чернилами, а на металлических частях забить; с войлочных предметов клейма устранить путем счёсывания скребницей»⁹. Кроме обмундирования особого заказа (халаты, шапки, шаровары, нательные рубахи, тёплые рубахи, тёплые портянки, перчатки и пр.), части получили чернильный порошок и по 5 кг защитной краски для «закраски знаков на машинах»¹⁰.

Директивой № 01/277сс от 23 июня 1937 года, подписанной заместителем командующего войсками САВО комкором О.И. Городовиковым, в части и отдельные подразделения были назначены цензоры «по вопросам сохранения государственной и военной тайны»¹¹.

Нарынская и Ошская группы находились неподалёку от границы, занимаясь боевой подготовкой в горных условиях. 7 июля 1937 года командир Ошской группы приказал: «Для приведения к боевой готовности всего оружия разрешается израсходовать: станковый пулемёт – 60 боевых патронов, ручной пулемёт – 18, винтовка – 10; спецвзводам полков, 19-му сапёрному эскадрону и 19-му эскадрону связи – по 5 патронов на винтовку. <...>

Стрелковые занятия построить с расчётом на 5 дней, начиная с 18.7, для чего составить расписание и представить на утверждение»¹².

Как свидетельствуют архивные документы, частям ставили специфичные учебные задачи: условный захват китайского населённого пункта, перевалов на китайской территории и т.п. Один из примеров – приказ (по учению) штаба Ошской группы: «Командующий войсками САВО получил задачу 16.7.37 6.00 к исходу дня 21.7 овладеть Кашгаром. Ошской группе поставлена задача к исходу дня 18.7 уничтожить выдвигающуюся кашгарскую группировку, в дальнейшем к исходу дня 21.7 овладеть Кашгаром»¹³.

Наряду с боевой подготовкой командование групп уделяло пристальное внимание войсковому быту. В приказании от 10 июля 1937 года частям Ошской группы отмечалось, что «уборка лошадей производится в частях в безобразном состоянии», корм лошадям дают не в специальные ясли, а вываливая на землю. В приказании от 12 июля указано на отсутствие порядка в расположении частей. Вызывали нарекания состояние кухонного хозяйства, мусор, остатки животных и пищи в местах её приготовления. В одном из приказаний отмечалось, что состояние пищеблоков «остаётся по-прежнему на низком уровне»¹⁴. На некоторых должностных лиц, ответственных за кухонное хозяйство, были наложены дисциплинарные взыскания.

Условия высокогорья создавали предпосылки для заболеваний личного состава. Начальник санитарной службы Нарынской группы военврач 3 ранга Усов докладывал в штаб округа, что с 24 июня по 5 августа 1937 года в группе зафиксированы 562 заболевших, из них госпитализированы 43. Самые распространённые болезни: горная болезнь (83 человека), болезнь зубов (52 человека), острые колиты (49 человек), болезнь верхних дыхательных путей (43 человека), бронхит (42 человека). С травмами обратились 65 человек. А всего амбулаторных посещений было 108015, т.е. за медпомощью обратилось более половины личного состава группы.

Командование САВО занималось организацией обеспечения предстоявшего марша в условиях высокогорья. Начальник артиллерии округа комбриг В.И. Пестов представил расчёты транспортировки боеприпасов для кавалерийского полка и бригады двухполкового состава: «Боекомплект кавполка: под запас патрон, запчасти и инструмент, кроме положенных по строевому расчёту, 40 вьюков. Общий вес боекомплекта кавполка – 6 тонн или 85 вьюков. Два боекомплекта бригады: 38 тонн, 462 вьюка»¹⁶. Была рассчитана и потребность в продовольствии Ошской группы – 13 т, Нарынской – 13,5 т¹⁷.

Отягощение групп всеми необходимыми запасами и имуществом на марше уподобило бы их недопустимо длинным медленно передвигавшимся караванам. Для повышения манёвренных возможностей боевых частей было принято решение создать на маршруте от населённого пункта Кант до перевала Туз-Бель (490 км) базы снабжения. Для этого 5-й отдел штаба САВО во главе с полковником Я.Ю. Аппелем подготовил расчёты потребности в автотранспорте: «В течение 17 дней для осуществления операции по подвозу на марше, по закладке баз продфуража, по подброске тары и переброске боеприпасов требуется 157 полутонн машин. Мы имеем 76 машин, следовательно, необходимо дополнительно усилить грунтовый участок ВД (военной дороги. – Прим. авт.) Нарынской группы 81 полутонной машиной»¹⁸.

Подвоз боеприпасов, горюче-смазочных материалов, продовольствия и прочего имущества требовался и авиачастям: всего 117,1 т, в т.ч. 55 т авиабомб, 8,5 т патронов¹⁹.

Военным автомобилистам предстояло в условиях высокогорья в короткий срок решить нелёгкую задачу доставки войскам всего необходимого. Трудности возникли уже на советской территории при преодолении перевала Долон на высоте около 3030 м. Командир автобатальона капитан Щекотов 1 июля 1937 года доложил в штаб САВО: «На Долонском перевале дорогу освобождают от камня. Работа пока не закончена. О дороге далее Нарына сведений нет. Машины, отправленные туда, пока ещё не вернулись

и запоздали. Связи туда не имею. Сапёрная команда никаких признаков и данных не даёт»²⁰. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25895. Оп. 1. Д. 938. Л. 36.

2 *Аптекарь П.* Красные реки Синьцзяна / Ведомости. 2016. 18 марта; интернет-ресурс: <https://www.vedomosti.ru>.

3 РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 763. Л. 1 об. В ряде архивных документов того времени И.П. Бикжанов упоминается как Бекжанов.

4 Там же. Д. 763. Л. 1.

5 Там же. Д. 760. Л. 1. Директива врид НШ САВО №01/270сс от 20 июня 1937 г. о назначении комбрига Селиванова командиром группы, о составе и задачах группы.

6 Там же. Д. 763. Л. 2.

7 Там же.

8 Там же. Д. 760. Л. 4.

9 Там же. Л. 27, 28. Указание штаба САВО №8/СС от 3 июля 1937 г.

10 Там же. Л. 28.

11 Там же. Л. 25, 26.

12 Там же. Д. 756. Л. 1.

- 13 Там же. Л. 16.
- 14 Там же. Л. 13.
- 15 Там же. Д. 760. Л. 55.
- 16 Там же. Д. 763. Л. 23.
- 17 Там же. Л. 24, 25.
- 18 Там же. Л. 63, 65.
- 19 Там же. Л. 79.
- 20 Там же. Л. 125, 125 об.